

Иван Корнеев

ОЛИМПИЙСКИЙ МИШКА

Судьба последней советской
утопии и ее талисмана

Individuum 2025

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(2)63
К67
Корнеев, Иван.

К67 Олимпийский Мишка. Судьба последней советской утопии и ее талисмана / Иван Корнеев. —

М.: Individuum, Эксмо, 2025 — 288 с.
ISBN 978-5-04-218739-1

Самый дружелюбный русский медведь в истории, первый и единственный по-настоящему популярный маскот Олимпиады, Мишка явился в Москву 1980-го, чтобы изменить всё — принять в гости друзей со всего света, поразить их гостеприимством и показать миру новое, радостное и доброе лицо Советского Союза. Но ему помешали, и он улетел без обещания вернуться.

Историк Иван Корнеев написал биографию Олимпийского Мишки как рассказ о позднем СССР до, во время и после московской Олимпиады. В медвежьих глазах отражаются быт простых советских граждан и партийные интриги, блеск и тревоги олимпийской столицы, торжественные церемонии и международные скандалы. И всё это складывается в историю о времени больших надежд, когда казалось, что спорт сможет объединить мир и примирить враждующие государства, а благие намерения руководства страны искренни и не обернутся собственной противоположностью.

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(2)63

© Иван Корнеев, 2025
© ООО «Издательство «Эксмо», 2025
ISBN 978-5-04-218739-1 Individuum®

Содержание

Рождение 7

15 Мать

33 Отец

57 Предназначение

Становление 79

83 Личность

105 Столкновение с реальностью

127 Кризис идентичности

На Олимпе 155

161 Компромисс

181 Будни

211 Признание

После славы 231

235 Госслужба

253 Забвение

265 Кража личности

Рождение

23 октября 1974 года, Вена. Листва на деревьях уже пожелтела, но еще не опала. На часах 9:25 утра, погода солнечная. Горожане спешат на работу, а у здания ратуши толпятся журналисты. Сегодня очень важный день.

В одном из помещений ратуши сидят десятки представительных мужчин в пиджаках. Они негромко разговаривают и непринужденно курят трубки. Все они — члены Международного олимпийского комитета, которые только что проголосовали на выборах столицы летних игр 1980 года. Подсчет идет уже почти полчаса, а президент комитета не торопится объявлять решение. Неподалеку перешептываются чиновники из Советского Союза и Соединенных Штатов, представляющие Москву и Лос-Анджелес — единственных претендентов на роль столицы будущих игр. В отличие от людей из МОК, эти делегаты выглядят напряженно — последние несколько дней они мало спали, плохо ели и много, нервно говорили. Все свои силы они тратили на то, чтобы здесь и сейчас услышать имя своего города.

Гул замолкает. В зал заходит президент Международного олимпийского комитета Моррис Майкл Килланин, подходит к трибуне и медленно открывает конверт с именем победителя. Лидер советской делегации, председатель исполнительного комитета Моссовета Владимир Промыслов, напряженно следит за движениями президента. Килланин — бо-летний ирландский барон с аккуратно зачесанными седыми волосами и причудливыми очками на носу, дорогой костюм на нем сидит идеально. В СССР таких изображают на карикатурах журнала «Крокодил» или в книгах про буржуев царской России. Но сейчас Промыслову не до смеха или классовой ненависти. В руках аристократичного ирландца судьба Москвы на ближайшие несколько лет.

Килланин достает из конверта плотный листок бумаги, осматривает присутствующих поверх очков и произносит всего одно слово.

— Moscow.

Представители советской делегации резко вскакивают с мест. Секунда — и звенящая тишина сменяется аплодисментами вперемешку с радостными воплями. В зале — бес-

конечные поцелуи, рукопожатия и объятия. Один из присутствующих, корреспондент The New York Times Фред Таппер, на следующий день напишет об этом событии небольшую статью. В ней Таппер назовет радость делегации экстатической, а объятия советских чиновников — медвежьими¹.

* * *

К середине 1970-х годов образ русского медведя — это устойчивый штамп. Его используют для изображения России уже больше полутора веков: начиная с Наполеоновских войн. Причем абсолютно неважно, какой в России режим или правитель, в каких внешнеполитических блоках она состоит, какие у нее отношения с соседями. Даже сейчас, когда слова «Россия» нет в официальном названии страны, медведь никуда не уходит. На картах, политических плакатах и карикатурах по всему миру Советский Союз представлен в виде агрессивных гигантских животных, часто в военной форме. Обычно этих медведей рисуют грязными и лохматыми, с выдающейся вперед мордой и раскрытой пастью, полной острых белых зубов. Журналисты по ту сторону железного занавеса добавляют к этому яркому образу конкретное содержание. Какой он, русский медведь?

Корреспонденты The New York Times и The Washington Post приезжают в СССР в долгие, многолетние командировки, и помимо репортажей пишут большую форму — книги о Советском Союзе. В первой половине 1970-х годов, когда у власти утверждается Брежнев, а страна погружается в размеренный консерватизм, на Западе в моде идеи о «Вечной России»². Известные журналисты Джон Донберг и Хендрик Смит пишут бестселлеры под названием «Новые цари»³ и «Русские»⁴, в которых сквозит одна и та же мысль. Смена режимов и правителей в России не имеет никакого значения — все это потемкинские деревни и пустые лозунги. Суть этой страны остается неизменной века с XVI, когда сюда впервые приехали иностранные путешественники,

¹
Tupper F. Moscow, Lake Placid Awarded '80 Olympics // The New York Times. October 24, 1974.

²
Fainberg D. Cold War Correspondents. Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2020. P. 200.

³
Dornberg J. The New Tsars. Garden City: Doubleday, 1972.

⁴
Smith H. The Russians. New York: Ballantine Books, 1976.

оставившие записки о природе русской власти. Ее составляющие — сверхцентрализованная система, раболепие населения, агрессивная внешняя политика и культ силы. Исторического прогресса в России не существует: меняются лишь декорации и имена. Хендрик Смит пишет:

... это чужая культура, не прошедшая через Ренессанс, Реформацию и эпоху конституционного либерализма, сформировавшую Запад. Контакты с Западом привели к некоторым изменениям, но не ослабили в корне сильные авторитарные тенденции в российской политике... Западные инновации просто использовались для усиления российских методов [правления]⁵.

На протяжении всей своей книги Хендрик Смит внушает американцам, что «русские» от них принципиально отличаются. Его тексты популярны: в 1974 году он даже получает Пулитцеровскую премию за репортажи из Советского Союза. Его коллега Джон Донберг пишет, что стиль управления советских чиновников ничем не отличается от методов царской власти. Брежнев и его друзья — это новые цари, а советские граждане — их смиренные холопы, не желающие что-то менять:

Веками здесь институционализировались секретность, полицейская слежка, переписывание истории, всевластие и высокомерие правителей, приверженность доктрине, праздность, нищета и «потемкинизм»⁶.

Советский Союз — огромный ледник на карте, который постоянно растет, замораживая все вокруг себя. Агрессивный медведь, понимающий только язык силы.

Когда в 1970 году советские чиновники впервые выдвинули Москву на роль столицы олимпиады, страх перед «Вечной Россией» победил — СССР проиграл выборы. Олимпийское движение, которое уже

⁵
Smith H. Ibid. P. 679–680.

⁶
Dornberg J. Ibid. P. 436.

несколько десятилетий развивалось под флагами западных демократий, не собиралось доверять свое будущее русскому медведю. В 1970-м Лос-Анджелес, как и Москва, проиграл выборы канадскому Монреалу, но мэр калифорнийского города заявил, что воспринял новость с облегчением — все-таки игры сохранили для «свободного мира»⁷.

Дело в том, что помимо полноценного приобщения к олимпийской семье, хозяева игр получают мощнейшую площадку для рекламы своего политического режима. Страну-организатора посещают тысячи туристов и журналистов, сотни миллионов зрителей исследуют ее через экраны телевизоров. Доверить Москве летние олимпийские игры — значит пробить дыру в железном занавесе, отделившем социалистический лагерь от капиталистического в условиях Холодной войны. Усилятся обмен технологиями, информацией и экономические связи.

Еще недавно такой поворот казался невозможным. Но сегодня, 23 октября 1974 года, что-то изменилось. После объявления столицы игр президент Международного олимпийского комитета лорд Килланин садится за стол в Гербовом зале Венской ратуши и отвечает на вопросы журналистов.

— Каковы итоги подсчета голосов?

— Результаты не разглашаются. Это тайное голосование, и я не знаю цифр⁸. Я попросил двух старейших членов комитета после подсчета голосов разорвать бюллетени. Теперь их обрывки плавают в Дунае⁹.

На самом деле, Килланин лукавит — результаты выборов ему известны. В цифрах как таковых нет ничего криминального: 39 делегатов отдали голоса за Москву, а 20 выбрали Лос-Анджелес. Дело в другом. Глава Олимпийского комитета не хочет вдаваться в подробности, чтобы не подставлять коллег, ведь их могут обвинить в сочувствии «русским», что подпортит репутацию всей организации. Итоги подсчета голосов журналисты выяснят уже на следующий день, а через много лет сам Килланин признается, что «большая часть Запада проголосовала за Москву»¹⁰.

7
Guttman A. The Olympics: A History of the Modern Games. University of Illinois Press, 1992. P. 141.

8
Tupper F. Ibid.

9
Коваль В. Записки олимпийского казначея: От Олимпиады-80 к Москве-2012. Москва: Советский спорт, 2004. С. 20.

10
Killanin M.M. My Olympic Years. The Pitman Press, 1983. P. 168.

Следующим к журналистам выходит Владимир Про-мыслов.

— Почему вы не смогли победить на выборах четыре года назад, а сегодня одержали победу?

— Мы извлекли уроки из ошибок 1970 года. А атмосфера в мире стала спокойнее¹¹.

Кажется, что для всех участников пресс-конференции победа Москвы — не такой уж и сюрприз. Промыслов продолжает:

— Мы глубоко признательны зарубежным деятелям мирового спорта, представителям общественности и деловых кругов, выдающимся мастерам культуры, тысячам и тысячам простых людей во всех странах и на всех континентах, которые неизменно поддерживали кандидатуру советской столицы, вместе с нами боролись за ее право стать хозяйкой Олимпиады-80¹².

Слова Промыслова отражают тот взгляд на СССР, который в 1970-е транслируют советские газеты, книги, документальные фильмы и речи чиновников. Он в корне отличается от западной идеи о «Вечной России». В номере газеты «Правда», где на следующий день опубликуют отрывок интервью Промыслова, можно найти такие заголовки:

**ПОЛНОЕ ОДОБРЕНИЕ
ЗА СПЛОЧЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ
В ПРАЗДНИЧНОМ МАРШЕ
ПОДДЕРЖИВАТЬ НОВОЕ, ПЕРЕДОВОЕ
ЗЕМЛЯ ОТВЕТИТ ЩЕДРО¹³**

В представлении советских средств массовой информации СССР — это совершенно новое государство, которое прокладывает путь в будущее для всего остального мира. Здесь уже нет никаких «русских», вместо них теперь «советский народ» — новая историческая общность, об окончательном складывании которой напишут в конституции СССР через три года. Советский народ — рабочие, хлеборобы, ученые, спортсмены и чиновники — трудятся ради создания нового справедливого общества. Недоброжелатели

¹¹

Tupper F. Ibid.

¹²

Москва — столица олимпиады // Правда. 1974, №297.

¹³

Правда. 1974, №297.

со всего света пытаются им помешать: заткнуть, проигнорировать или оклеветать. Но победа социализма неизбежна. Показатель прогресса Советского Союза — это успехи страны в науке, покорении космоса, строительстве и искусстве. А провозглашение Москвы столицей олимпийских игр — еще один знак, что иностранцы потихоньку открывают глаза и признают бесспорные успехи советского образа жизни. Конечно, Советский Союз — это никакой не медведь. Скорее локомотив, который на всех парах мчится в будущее. Или хорошо сложенный рабочий, что уверенно смотрит вперед.

Как и концепция «Вечной России», этот образ отрывает Советский Союз от западного мира, подчеркивая уникальность его политического строя и социальной организации. Но больше у советского и западного нарратива нет ничего общего. С одной стороны — застывшая во времени репрессивная Россия, которая держится на традиционных отношениях власти и подчинения. С другой — прогрессивное общество, которое обновляет планету благодаря единственно верной идеологии. Тем не менее, в 1974 году мир доверяет этой стране принять летние олимпийские игры.

Что изменилось с 1970 года? Почему аристократы из Международного олимпийского комитета готовы подарить коммунистам беспрецедентную площадку для пропаганды? А советские чиновники — рады получить такой подарок из рук британского лорда? Дело в том, что Советский Союз середины 1970-х годов — это совсем не та страна, которую мы знаем по статьям из «Правды» или западным карикатурам. Время посмотреть на нее пристальнее.

